

Госпожа Ван оказалась нетерпеливее, чем предполагал Шэнь Уцзю.

На третий день после того, как Чунсуй подал петицию, в Управу Шуньтянь поступило исковое заявление. Шэнь Уцзю обвиняли в том, что она «злая колдунья, лишаящая людей жизни». Иск подала не сама Госпожа Ван, а одна из управляющих служанок поместья маркиза по фамилии Лю.

В иске всё было расписано в мельчайших подробностях: племянницу бабки Лю по имени Ли Цуйхуа девятого числа третьего месяца, когда она проходила мимо бокового двора Резиденции генерала, околдовала Шэнь Уцзю с помощью злых чар; вернувшись домой, девушка слегла с непрекращающейся высокой температурой и через семь дней скончалась в страшных мучениях. К заявлению прилагалось «предсмертное письмо» некой Ли, в котором значилось: «Это Шэнь Уцзю сгубила меня своими злыми чарами».

Когда Лу Хуайань принёс копию иска, Шэнь Уцзю как раз грызла пресную лепёшку.

— Девятого числа третьего месяца я изгоняла злых духов на Западном рынке, и половина его жителей может это подтвердить. Почерк в предсмертном письме аккуратный и ровный, а Ли Цуйхуа даже не умела писать — в архивах слуг поместья маркиза об этом записано предельно чётко.

Лу Хуайань кивнул:

— Я проверил, тут не сходится. Но свидетельница жива, придется проводить судебное разбирательство. В Великом судебном приказе соблюдают правила, дело не закроют только потому, что твои свидетельские показания и этот иск не стыкуются.

— Проводите. Раз Госпожа Ван сама преподнесла доказательство на блюдечке, глупо от него отказываться.

Сяо Ду тоже собрался идти. Шэнь Уцзю не стала возражать: если он просто постоит рядом, давления его добродетели Инь вполне хватит, чтобы у свидетельницы подкосились ноги, и это избавит их от лишних хлопот.

— Ты просто стой и молчи.

— Когда это я говорил лишнее?

— Прошлый раз в Управе Шуньтянь ты так испугал судебного чиновника, что он свалился со стула.

— У него совесть нечиста.

Шэнь Уцзю поленилась с ним спорить. Синевато-черные кончики пальцев на ее левой руке стали еще темнее, и она чуть сильнее натянула рукав. Сяо Ду заметил это, но расспрашивать не стал.

Началось судебное заседание.

Главный зал Великого судебного приказа был набит битком — слухи быстро разошлись, и посмотреть на зрелище собралась едва ли не половина праздных зевак столицы. Бабка Лю стояла на коленях, заливаясь слезами и соплями, захлебываясь рыданиями.

— Господин судья, вершите правосудие! Эту злую колдуньюшка заживо сгубила мою племянницу! Перед смертью она вся почернела и без конца кричала, как ей холодно...

Лу Хуайань спросил:

— Ты сама своими глазами видела, как Шэнь Уцзю колдовала над твоей племянницей?

— Своими глазами! Девятого числа третьего месяца моя племянница ходила отнести кое-какие вещи неподалеку от Резиденции генерала, а вернулась сама не своя...

— Погодите. — Шэнь Уцзю поднялась. — Девятого числа третьего месяца в каком месте ты видела, будто я колдую над твоей племянницей?

— У Резиденции генерала... у ворот бокового двора...

— Куда выходят ворота бокового двора?

Бабка Лю растерялась:

— На... на восток?

— На запад. У ворот растет старое кривое зизифусное дерево, и на стволе вырезано слово «Ду». Ты даже не знаешь, куда выходят ворота, а уже утверждаешь, будто видела всё своими глазами?

Кто-то за пределами зала негромко рассмеялся.

Лу Хуайань ударил деревянным молотком о стол.

— Тишина. Бабка Лю, продолжай. Как звали твою племянницу?

— Ли... Ли Цуйхуа.

— Ли Цуйхуа — родная дочь твоего младшего брата, служанка прачечной в Поместье маркиза Юннин — девятого числа третьего месяца болела в загородном имении маркиза и вообще находилась не в столице. И ты утверждаешь, что она проходила мимо Резиденции генерала?

Бабка Лю с глухим стуком рухнула на колени и забила челобитную так, будто дробила чеснок.

— Пощадите, господин судья! Это госпожа велела мне! Госпожа сказала, что если я оговорю эту женщину, мне заплатят пятьдесят лямов серебра...

— Кто заставил тебя подать этот иск?

— Матушка Ван, что при госпоже! И предсмертное письмо тоже она написала, моя племянница грамоты не понимает...

Лу Хуайань снова ударил молотком.

— Супруга маркиза Юннин, Госпожа Ван, подстрекала к даче ложных показаний и оклеветала родственницу государственного чиновника — внести в судебный протокол. Бабку Лю взять под стражу до дальнейшего разбирательства.

Управляющая служанка поместья маркиза во всеуслышание во всем призналась прямо в зале Великого судебного приказа. Новости разнеслись по столице за полчаса.

Сяо Ду стоял внизу залом и за всё время не произнес ни слова. Но когда бабка Лю давала показания, она бросила на него один-единственный взгляд и затряслась всем телом, словно в лихорадке: давящая аура добродетели Инь была такота, что даже ложь под ее воздействием заставит тебя выдать правду.

Когда Шэнь Уцзю вышла из Великого судебного приказа, у ступеней ее кто-то ждал.

Это был не Сяо Ду. Чунсуй.

В серо-белых даосских одеждах, с лицом бессмертного мудреца, он перебирал в руке четки из сандалового дерева. Со стороны он казался отшельником, познавшим истину. Стоило бросить взгляд через Глаза Инь-Ян — и перед тобой представало существо, с ног до головы укутанное черной пеленой энергии Инь, под чистой оболочкой которого скрывались сплошные грехи.

— Госпожа Шэнь, каков метод!

— Благодарю за комплимент, государственный наставник. Ваши ученики среди ночи хватают людей на жертвоприношения — ваши методы куда суровее.

Чунсуй не рассердился, а лишь усмехнулся:

— Я пришел сюда не диспуты вести. Раз уж в Великом судебном приказе разбирают ваше дело, у меня тоже есть о чем заявить.

Он отступил в сторону. Позади него стоял мужчина средних лет со свинцово-серым лицом и синюшными губами. Рукава его были закатаны, и под кожей до самых локтей вились зловещие синева-черные жилы — точь-в-точь как симптомы на ее собственной левой руке.

Зрачки Шэнь Уцзю слегка сузились.

Этот человек не был подделкой. Его и впрямь источала энергия Инь. Синева-черные прожилки ниже локтей, потемневшие ногти, леденящая плоть — всё это было ей слишком знакомо, ведь она носила то же самое в собственном теле.

Но она никогда не прикасалась к этому человеку.

— Его зовут Чжан Чжу, он плотник с Западного рынка. Полмесяца назад он обращался к вам за изгнанием злых духов, а после обряда стал вот таким, — голос Чунсюя звучал ровно, будто он говорил о чем-то совершенно незначительном. — Госпожа Шэнь, как вы это объясните?

Она ничего не стала объяснять. Потому что сразу всё поняла: энергия Инь в теле Чжан Чжу появилась не в результате естественного заражения и не была остаточным следом от изгнания духов. Ее влили туда намеренно. Способ внедрения в точности повторял тот, что использовали для жертв на задней горе Резиденции государственного наставника: в качестве проводника служила заговоренная вода, а темная энергия проникала по меридианам в самые конечности.

Чунсюй использовал живого человека в качестве улики. Это было в сто раз искуснее выходок Госпожи Ван. Госпожа Ван стряпала фальшивые улики, которые рассыпались от малейшего тычка; Чунсюй же предъявил подлинный вред — и энергия Инь в теле Чжан Чжу была настоящей, и повреждения были реальными, фальшивым в этой истории являлось лишь имя того, кто всё это сотворил.

Чжан Чжу дрожал, стоя на коленях, его зубы стучали:

— Господин судья... я действительно обращался к этой госпоже за помощью... после обряда меня всего зазнобило, а руки и ноги перестали меня слушаться...

Шэнь Уцзю присела на корточки и тихо спросила:

— К тебе домой в последнее время даосы не заходили?

— Заходили... какой-то даос пожаловал, принес талисманную воду ради защиты и благополучия... Я выпил, и спустя два дня...

— Какого цвета была та вода?

— Серая... с тухловатым запахом...

Она поднялась и посмотрела на Чунсюя.

Тот все еще улыбался. Но на миг его улыбка застыла — она заметила это.

Она не боялась фальшивых улыбок Чунсюя. Больше всего ее пугало то, что он осмелился использовать живого человека как доказательство.

— Господин Лу, я ходатайствую об осмотре пострадавшего.

Лу Хуайань бросил взгляд на Чжан Чжу, а затем на Чунсюя. Великий судья рассматривал дела о мятежах и расследовал крупные хищения, но ему еще никогда не доводилось вести подобное разбирательство, когда истец и ответчик стояли бок о бок, а государственный наставник лично обвинял экзорциста в убийстве.

— Ходатайство удовлетворено.

Шэнь Уцзю повернулась и зашагала вниз по ступеням. Проходя мимо Чунсюя, она на секунду остановилась:

— Государственный наставник, я смогу выявить направление потоков энергии Инь в теле Чжан Чжу. И когда выяснится, кто именно ее туда закачал, мы продолжим этот разговор в суде.

Чунсуй перебирал четки, и улыбка на его лице не исчезала.

Она ничего не боялась. Но она отчетливо понимала: такие люди, как он, не ограничатся одним лишь Чжан Чжу.

<http://bllate.org/book/21207/2146509>